

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69>
EDN: QTZYIE

Научная статья / Research Article

Территориальность вместо территории: как исправить краеугольное противоречие пространственной теории

С.В. Праскова

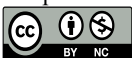
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
 savap@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественной юриспруденции доминирует понимание территории государства как части земной поверхности, находящейся под его властью. Оно не только широко используется науками, но и получило закрепление в энциклопедических источниках. Такое понимание территории государства соответствует тезисам пространственной теории, получившей распространение в XX в. Вместе с тем эта теория содержит внутреннее противоречие, которое не разрешено до сих пор: государство понимается как социальное явление, а территория как часть поверхности Земли – явление объективной реальности. При этом в отечественном государствоведении территория классически включается в понятие государства в качестве его элемента или признака. В результате отсутствует понимание взаимосвязи государства и его территории, что в том числе отражается на ее нормативном регулировании. В этой связи цель работы – предложить понимание территории государства, соответствующее его социальной природе. При проведении исследования использовались формально-юридический, социологический, исторический методы. По результатам автор полагает, что для преодоления указанного противоречия территорию следует понимать как условно ограниченную непрерывную часть земной поверхности, являющуюся местом нахождения социальных явлений и процессов. В этом смысле территория не может рассматриваться ни как элемент, ни как признак государства-общества. Однако государство имеет территориальность – взаимосвязь с физическим пространством. При этом в отечественной юриспруденции отсутствует ее понимание. Предложено опираться на результаты исследований территориальности сообщества в социологии и политологии. В заключение автор предлагает понимать территориальность в двух смыслах: в широком – как постоянное пребывание государства-общества (народа, населения) на определенной ограниченной части поверхности Земли; в узком – как обособление государством части физического пространства и установлению контроля над ним (присвоение). Во втором смысле территориальность является признаком государства, что и позволяет снять противоречие пространственной теории.

Ключевые слова: физическая территория, пространственная теория, объектная теория, теория международной собственности, элемент государства, признак государства

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Праскова С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 08 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Праскова С.В. Территориальность вместо территории: как исправить краеугольное противоречие пространственной теории // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69> EDN: QTZYIE

Territoriality instead of territory: Resolving the fundamental contradiction of spatial theory

Svetlana V. Praskova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

 savap@mail.ru

Abstract. The topic’s relevance stems from the dominant view in Russian jurisprudence that a state’s territory constitutes a portion of the Earth’s surface under its authority. This perspective pervades legal scholarship, encyclopedic sources, and the spatial theory prevalent in the 20th century. Yet, spatial theory contains an unresolved contradiction: it defines the state as a social community while treating territory as an element of objective physical reality. Russian political science, meanwhile, traditionally includes territory as an element or attribute of the state. This discrepancy fosters inadequate comprehension of the state-territory relationship, with implication for its legal regulation. The article’s purpose is to propose a conception of state territory aligned with the state’s social essence. Employing formal-legal, sociological, and historical methods, the author argues that territory should be reconceived as an artificially delimited, continuous segment of the Earth’s surface hosting social phenomena and processes. In this framework, territory is neither an element nor an attribute of the state-community. Instead, the state exhibits *territoriality* – its interconnection with physical space – a concept absent from Russian jurisprudence but illuminated by sociological and political science studies of community territoriality. The author delineates territoriality in two senses: broadly, as the state-community’s (people/population’s) permanent habitation on a delimited portion of the Earth’s surface; narrowly, as the state’s demarcation and control (appropriation) of physical space. In the narrow sense, territoriality serves as a defining attribute of the state, resolving spatial theory’s contradiction.

Key words: physical territory, spatial theory, object theory, theory of international property, element of the state, attribute of the state

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 08th May 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Praskova, S.V. (2026) Territoriality instead of territory: Resolving the fundamental contradiction of spatial theory. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 53–69. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-53-69> EDN: QTZYIE

Введение

Территория государства является одной из основных категорий юридической науки. Вместе с тем, состояние ее осмысленности в российской юриспруденции можно охарактеризовать, перефразировав высказывание Т.Х. Керимова об

обществе: понятие территории обычно представляется настолько привычным, что оно принимается как некая интуитивно очевидная данность¹.

На первый взгляд в таком некритичном принятии нет никакой проблемы. Однако это не так. Понимание территории неразрывно связано с пониманием государства, а эта категория настолько фундаментальна для юриспруденции, что по своему значению уступает только праву. Отсутствие научного осмысления сущности территории является лишь частным проявлением отсутствия четкого понимания государства.

Для отечественных социальных наук государствоведение вообще является «ахиллесовой пятой». Последний всплеск интереса к пониманию государства как социального явления в российской юриспруденции наблюдался на рубеже XIX и XX вв. В советский период времени монополия на изучение государственно-правовых явлений принадлежала теории государства и права. Именно эта наука, основанная на постулатах марксизма-ленинизма, пыталась охватить все стороны проявления государства, включая закономерности исторического развития. На современном же этапе отечественная политология, отвоевав свой предмет, изучает государство как одну из институциональных структур политической системы, развитие государства является предметом истории, а в юриспруденции исследуются самые разные стороны проявления государственных институтов, но концептуальное осмысление государства как явления отсутствует². За «деревьями» государственных органов, функций, форм и прочего мы не видим «леса» самого государства. Неудивительно, что территории государства уделяется еще меньшее внимание.

В большинстве случаев под территорией государства понимают часть земного шара, находящуюся под суверенитетом определенного государства³ (Kravets, 2016:91). Это определение является следствием доминирования пространственной теории понимания территории, которая зародилась в конце XIX в. К ярчайшим представителям пространственной теории относят К. Фрикера, Г. Еллинека, Л. Дюги, а среди российских ученых – В.А. Незабитовского, Л.А. Шалланда, Н.М. Коркунова. Пространственная теория выступила альтернативой объектной теории, понимавшей территорию как объект права собственности государства (государя). Их противостояние было обусловлено становлением юридической науки как самостоятельной отрасли знания, а также борьбой частного и публичных начал. Если объектная теория обосновывала начала частноправового владения территорией государства (*dominium*), то пространственная теория, различая землю и территорию (пространство), признавала только публично-правовое обладание ею (*imperium*)⁴.

В XX в. пространственная теория получила всеобщее признание. Представление о территории как пространстве властвования государства, его территориальном пределе стало общепринятым в западноевропейской науке и с некоторыми оговорками советского периода⁵ – в отечественной юриспруденции. В настоящий момент

¹ Керимов Т.Х. Социальная философия : учебник. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 304 с.

² Редким исключением в этом плане является цикл статей, начатый И.В. Лексиним (Leksin, 2024).

³ Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. М. : Большая Российская энциклопедия, 2016. Т. 32: Телевизионная башня – Улан-Батор. 765 с.

⁴ Подробно о подходах к пониманию территории (Praskova, 2024b).

⁵ Дело в том, что советская наука отрицала любую преемственность в понимании государственно-правовых явлений. Несмотря на то, что сами подходы к пониманию территории были выделены именно в советский период, происходило это под эгидой критики буржуазных теорий (Klimenko, 1974). Однако фактически в советский период доминировала именно пространственная теория, поскольку территория

сколь угодно достойной альтернативы пониманию территории как пространства просто не существует. Вместе с тем пространственная теория породила концептуальное противоречие⁶, которое не устранено до сих пор. Понимание государства как социального явления, а территории как поверхности Земли не позволяет рассматривать их как части целого или как целое и часть. Более того, отсутствие понимания природы и места территории в государственном устройстве не позволяет осуществить ее надлежащее правовое регулирование. И в этой связи представляется необходимым вернуться к обсуждению понимания территории государства, пусть и столетием позже, чем это следовало сделать.

Противоречие между пониманием территории и государства в рамках пространственной теории

XIX в. – это пора кардинального пересмотра предмета науки и разделения естественных и социальных наук. Представители пространственной теории основывались на неокантианском делении между науками о природе и науками о духе. Так, для одного из ярчайших представителей данного направления Георга Еллинека государство – это предмет изучения социальных наук, подход которых отличается от естественно-правовых наук. Все социальные науки пользуются «субъективным» подходом, который характеризуется психологическим истолкованием внешнего объективного материала⁷. Потому все представители пространственной теории подчеркивают не вещный, а социальный характер территории государства. Государство – это прежде всего народ. Еллинек, описывая понимание государства, в большей степени доказывает социальную природу территории, чем рассматривает ее сущность. «Государство имеет, впрочем, и территорию – пишет он. Но присматриваясь к вопросу ближе, мы видим, что и территория есть связанный с человеком элемент государства. Оседлость есть свойство, состояние живущих в государстве людей, и все юридические влияния территории ... могут осуществляться только через посредство психики человека. Совершенно отрешенной от человеческих субъектов существует не территория, а только части земной поверхности» (Elinek, 2004:96–97).

Отсюда возникает вопрос о соотношении государства и территории. Ведь, если государство – это сугубо социальное явление, то какое место в нем может занимать пространство (земная поверхность)?

Георг Еллинек прямо писал о двойственности понимания территории: «Государственная территория имеет двойное значение. Во-первых, она является моментом в понятии государства как субъекта⁸. ... На этом свойстве территории ... основан

государства понималась как «пространственный предел властвования народов СССР, руководимых рабочим классом» (Osharov, 1948) или «некоторое земное, а также вземное (космическое) пространство, ограниченное от других земных пространств определенными поверхностями (границами) и имеющее тот или иной юридический статус и соответствующий ему правовой режим» (Ushakov, 1996:37).

⁶ Рассматриваемое здесь концептуальное противоречие не является единственным, которое ставится в упрек пространственной теории. Существует вопрос о возможности существования государства без территории, о возможности господства государства над незаселенными территориями. Однако в рамках одной статьи все они рассмотрены быть не могут.

⁷ В отличие от объективного подхода естественных наук, которые изучают явления в том виде, как они происходят в реальности, вне отношения к психике человека.

⁸ Леон Дюги называет этот аспект понимания территории «конститутивным элементом государства» как юридического лица (Duugi, 1908:127–137).

принцип «непроницаемости» государства. На одной и той же территории может развить свою власть только одно государство. ... Территория служит, во-вторых, пространственным основанием для осуществления власти государства над всеми пребывающими в государстве людьми – подданными и иностранцами» (Ellinek, 2004:207–209). Говоря о первом понимании, он имеет в виду часть земной поверхности, что является необходимым условием существования государства (оседлости людей), о втором – территориальную юрисдикцию государственной власти.

Однако такая двойственность плохо сочетается с пониманием государства как союза людей. Может ли земная поверхность быть элементом сообщества? Как справедливо отмечает Л.С. Мамут, «формула «элементы государства» инспирирует осмысление такового и приписываемых ему элементов как целого и частей (предметов), составляющих это целое. Отношения же целого и его частей – в общем плане суть отношения иерархии» (Mamut, 2000:89).

Разрешить это противоречие пытались разными способами.

Одним из них стало отрицание возможности понимания территории как элемента государства и в целом самой концепции понимания государства как единства трех элементов (территория, народ, власть). Но иного, альтернативного понимания территории государства сторонники этого подхода не предложили.

Например, Я.М. Магазинер подробно рассматривает составляющие территории как физического пространства существования социума. «Обычно – отмечает он – территорию определяют как часть земной поверхности, находящуюся в исключительной власти данного государственного союза». Он расширяет это понимание, включая в территорию не только земную, но и водную поверхность, а также недра, воздушное пространство и отчасти прибрежные воды. В итоге территорию государства он понимает как «часть земного шара, состоящую из земной, водной и воздушных сфер»⁹. Однако затем, размышляя о юридической природе территории, Я.М. Магазинер говорит, что согласно господствующему учению «территория есть такой же неустранимый элемент государства, как тело есть неотъемлемый элемент личности человека. Но как нельзя иметь право собственности на свое тело, как немислимо, чтобы тело было и элементом человека, и отдельным от него предметом собственности, так же немислимо, чтобы территория могла быть одновременно и внутренним элементом государства, и внешним для него предметом его собственности. ... Государство есть не что иное, как властноорганизованный народ, т.е. для понятия государства единственным, необходимым и достаточным элементом следует признать народ»¹⁰. И далее он делает вывод, что «территория не является юридически обязательным элементом государства. Территория есть только граница власти государства, пространственное определение пределов его власти ... Нельзя себе представить, что место, где действует существо, является составным элементом этого существа, как не является клетка «элементом» того зверя, который в ней заключен, как не входит в личность собственника тот участок, которым он владеет, и как нельзя вообще сказать, что жилище есть часть личности человека, хотя бы оно было безусловно необходимо для существования этой личности и хотя бы оно было безусловно тесно с личностью связано»¹¹. При этом столь категоричный вывод

⁹ Магазинер Я.М. *Общее учение о государстве* : курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Петроград : Кооперация, 1922. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. 108.

совершенно не отменяет для него необходимость исследования территории государства.

Однако чаще последователи пространственной теории сохраняли тезис о территории как элементе государства, не раскрывая ее содержания, а основное внимание уделяли ее взаимосвязи с государством.

Например, Е.Н. Трубецкой называет территорию элементом государства (Trubetskoi, 1917:226), но раскрывает не ее понимание, а свойства государственной власти. Он сравнивает государственную власть с другими проявлениями принудительной власти: разбойничьей шайкой, революционным клубом. «Действительное основное отличие государства состоит ... в том, что оно пользуется властью самостоятельной и исключительной в пределах определенной территории» (Trubetskoi, 1917:225). Любая другая власть, по его мнению – это власть над людьми, но не над территорией. «Никакое государство, как бы сильно оно ни было, не может воспрепятствовать образованию в его пределах враждебных ему анархических партий или разбойничьих обществ; но оно остается государством лишь до тех пор, пока оно в состоянии отстаивать свою самостоятельную власть над территорией против внутренних и внешних врагов» (Trubetskoi, 1917:225–226). В этой трактовке важно, что характеристикой государственной власти признается не территория, а территориальность, т.е. распространение на всю территорию и людей, находящихся на ней. Одновременно он фактически исключает возможность рассмотрения территории как таковой.

Оба приведенных подхода не разрешают вопроса о соотношении государства и территории, а лишь позволяют уйти от нее. Именно это и произошло затем в советском государствоведении – оно фактически отказалось от исследования территории и ее взаимосвязи с государством.

Советская наука в силу идеологических факторов отреклась от понимания государства как единства трех элементов. Такой подход получил клеймо «буржуазного». Фундаментальной основой нового видения стала ленинская формула «государство – это машина для поддержания господства одного класса над другим» (Lenin, 1962:73). В результате государство понималось исключительно как политическая организация власти экономически господствующего класса¹². Потому в центре внимания государствоведов оказались население и политическая власть. Территории же отводилась роль «материальной основы». Фактически вся проблематика советского государственного права была ограничена вопросами административно-территориального деления, исследования по которым имеют, за малым исключением, справочно-информационный и исторический характер (Vitruk, 2012:36).

Не изменилась ситуация и в настоящий момент. Несмотря на то, что в научную (Zhukov, 2023; Ivanov, 2002) и учебную литературу¹³ вернулось понимание государства как единства трех элементов (территория, народ, власть), в современной юридической литературе отсутствуют не только попытки разрешить кардинальное противоречие между пониманием государства и территории, но и само обсуждение этой проблемы.

¹² Основы советского государства и права : учебник / ред. А.И. Лепешкин. М. : Просвещение, 1970. 375 с.

¹³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2022. С. 52; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт-М, 2002. С. 84.

Редким исключением в этом плане является статья И.В. Лексина, который утверждает, что «территория по отношению к государству не является ни элементом, ни признаком. Обе названные трактовки могут быть приняты лишь как образные выражения, не вполне уместные в современной академической литературе. ... Для доктринальных и педагогических целей полезно подчеркивать фигуральный характер приведенных высказываний и ошибочность восприятия их в качестве научно обоснованных» (Leksin, 2023:466).

Таким образом, несмотря на повсеместно господствующее представление о территории государства в соответствии с тезисами пространственной теории, ни на один шаг в преодолении ее внутреннего противоречия современное отечественное государствоведение не продвинулось. Такая ситуация заставляет усомниться в самой возможности разрешения рассматриваемой проблемы. И все-таки, на наш взгляд, это необходимо. Как справедливо отмечает И.В. Лексин, государство и территория – это «категории, определяемые друг через друга и не отделимые друг от друга без потери смысла» (Leksin, 2023:466).

Путь к разрешению противоречия

Пространственная теория отказалась от отождествления территории с землей, заменив ее абстрактным словом «пространство». Однако понимание территории у ее последователей по своей сути не изменилось. Как видно из вышеприведенного описания труда Я.М. Магазинера, территория по-прежнему понималась как часть земной поверхности, пусть и расширенная за счет включения в нее не только земной, но и воздушной, водной поверхностей, а также недр. Так, классическое определение территории государства Г. Еллинека звучит следующим образом: «область, занимаемая государственным союзом, означает в юридическом смысле то пространство земли и воды, на котором государственная власть может развивать свою специфическую деятельность – функцию властвования» (Ellinek, 2004:207).

Соответственно территория понимается как часть поверхности Земли, т.е. явление объективной реальности – физического пространства. Для обозначения такого понимания территории применительно не только к государству, но и любых иных социальных явлений предлагаем использовать термин «физическая территория» – это условно ограниченная непрерывная часть земной поверхности, являющаяся местом нахождения (местоположением реализации) социальных явлений и процессов (Praskova, 2024a:187–193).

Проблема мыслителей рубежа XIX и XX вв. заключалась как раз в том, что они отвергли частноправовое понимание территории государства как земли, но не отвергли понимание территории как части физического пространства.¹⁴ Если обратиться к позиции основателя пространственной теории К. Фрикера, то мы увидим, что такая попытка была. Он писал: «Когда мы говорим о государственной территории, то понимаем под этим само государство в пространственном ограничении... Государство – это не что иное, как на основе права организованный в пределах определенного пространства народ» (Nifanov, 2020:50). Но этот путь не был пройден до конца.

¹⁴ Безусловно, не стоит их в этом упрекать. На тот момент еще не было достаточно сформированного понимания физического пространства, освоенного человеком.

Справедливости ради следует признать, что в XX в. предпринимались попытки убрать физическую территорию из понятия государства путем признания ее не элементом, а условием (предпосылкой) существования государства. Так, Я.М. Магазинер, отказав в признании территории элементом государства, называет ее «обычной основой» и «фактически необходимой предпосылкой»¹⁵. В советской юридической литературе было широко распространено утверждение о территории государства как объективном условии его существования – материальной основе (Shevtsov, 1972:80). В постсоветский период Л.С. Мамут писал о территории государства – «она вовсе не часть самого государства, а лишь пространственное условие (наряду с временным) его бытия» (Mamut, 2000:89). Этот подход совершенно справедливо подверг критике И.В. Лексин: «... в плане предпосланности пространством государство ничем не отличается ни от общества, ни от индивида, ни от иных социальных сущностей. Территория в широком (естественном, природном) понимании (а точнее, физическое пространство) по отношению к любым социальным явлениям, включая государство, имеет характер не предпосылки, обуславливающей их формирование, а данности, неизбежной среды существования» (Leksin, 2023:465).

На наш взгляд, проблема пространственной теории заключается в «половинчатом подходе». Не нужно пытаться иначе определить место физической территории в понимании государства-сообщества. Нужно полностью отказаться от нее.

Социальная общность (в том числе государство) и физическая территория, без сомнений, являются разнородными (гетерогенными) явлениями. Это значит, что их соотношение не может трактоваться ни как тождество, ни как различие, ни как соотношение целого с частью, и ни при каких условиях одно не может быть признаком (свойством) другого.

Это не означает, что государство не связано с физической территорией. Напротив, любое сообщество (и общество в целом) связано с объективной реальностью и в частности – с земной поверхностью. Гетерогенность этих явлений не исключает, а скорее наоборот – подразумевает возможность их взаимодействия. А потому действительная задача пространственной теории состоит не в том, чтобы включить физическую территорию в понятие государства, а в выявлении характера взаимосвязи государства-сообщества с физическим пространством.

Корректным термином для обозначения взаимосвязи государства с физической территорией представляется «территориальность».

Понимание территориальности государства в отечественной юриспруденции

Территориальность как характеристика каких-либо явлений или процессов широко используется в отечественной юриспруденции: территориальная оседлость народа, территориальное деление, территориальная организация местного самоуправления, территориальные органы государственной власти и т.п. Однако это использование не носит осознанного и системного характера, а скорее объясняется интуитивным использованием этого термина.

Само по себе признание территориальности в качестве признака государства присутствовало и у представителей пространственной теории в начале XX в. (особенно в рамках дискуссии о возможности признания кочевых племен

¹⁵ *Магазинер Я.М.* Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е изд., перераб. Петроград : Кооперация, 1922. С. 108.

государством), и имеет место в современной научной литературе (Leksin, 2023:464). Но оно не раскрывается, а во многом отождествляется с территорией государства.

Наиболее развитое понимание территориальности государства в отечественной юриспруденции присутствует только в контексте его противопоставления родовой (догосударственной) организации общества. Его основой является хрестоматийный для советского периода тезис, сформулированный Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс противопоставлял родовую (основанную на кровных узах) организацию первобытного общества и территориальную организацию государства (безотносительно к роду и племени) (Engels, 1989). В этом он следовал тезисам первых теоретиков государства в антропологии Г. Мэйна и Л. Моргана, которые противопоставляли основанные на родстве догосударственные социумы («общество статуса», *societas*) территориально организованным обществам государственным («общество контракта», *civitas*) (Bondarenko, 2015:14–15).

В этом контексте признаком государства является территориальное начало объединения граждан или подданных: «В процессе возникновения государства кровнородственные связи людей отодвигались на задний план или вовсе заменялись территориальными связями (по месту жительства). Следствием этого явилось то, что жители в политическом отношении превращались в простую принадлежность территории»¹⁶.

Несмотря на то, что уже в середине XX в. британские структуралисты и американские босианцы наглядно показали, что такое противопоставление чрезмерно жестко, подтвердив важность территориальных связей в негосударственных социумах (Bondarenko, 2015:14–15), в отечественной юриспруденции это противопоставление используется до сих пор. Так, попытку соединить территорию и территориальную организацию населения в понимании государства предпринял Р.Л. Иванов (Ivanov, 2016). Он называет это характеристиками государства и подчеркивает их самостоятельность, несмотря на терминологическую близость. При этом территориальную организацию населения он объединяет с территориальным делением. «Территориальный принцип государственного устройства – пишет он – состоит в том, что деление страны на территориальные единицы осуществляется без учета родственных связей между проживающими здесь людьми» (Ivanov, 2016:9). Однако такое понимание территориальности как признака государства вряд ли выдерживает критику как с позиций современной антропологии, так и юриспруденции.

Сосредоточенное проживание населения на определенной части физического пространства характерно для любых высокоорганизованных сообществ. Но для первобытных форм характерно одновременно доминирование родового начала сообщества, тогда как в государстве оно ослабевает или утрачивается. Соответственно, для государства не столько свойственна территориальность населения, сколько отсутствие кровнородственной связи в основе социальной общности (наличие «надродственной» основы). Как справедливо отмечает Д.М. Бондаренко, «проблема родственного и территориального начал в организации социума – всегда вопрос соотношения между ними, а не присутствия или отсутствия одного из них, хотя общая тенденция социальной истории и в самом деле состоит в постепенном все большем замещении родственных институтов территориальными» (Bondarenko, 2015:15).

¹⁶ Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 83.

С учетом дискредитации понимания территориальности, как отсутствия кровнородственных связей в сообществе, остается лишь констатировать, что в современной юридической науке отсутствует понимание территориальности, которое способно описать взаимосвязь сообщества с физической территорией. В этой связи обратимся к инструментарию других социальных наук.

Территориальность как черта сообщества

Социальная реальность всегда имеет привязку к физическому пространству, поскольку ее основные акторы – люди – находятся одновременно в обеих реальностях. Учет фактора места нахождения в физическом пространстве осуществляется посредством определения конкретной точки на поверхности Земли или условно-ограниченной части земной поверхности, т.е. посредством указания физической территории.

Такая «привязка» социальных процессов и явлений к физическому пространству может быть разной. В ситуации, когда требуется одномоментное определение места нахождения социального актора, между социальной и физической реальностью не образуется какой-либо устойчивой взаимосвязи. Не возникает связь и в случаях, когда речь идет о кратковременном или непостоянном протекании социальных процессов в конкретной части физического пространства. Но если актор постоянно (преимущественно) осуществляет свои действия в определенной части земной поверхности можно говорить об устойчивой связи между социальным явлением (процессом) и физической реальностью – территориальности социального явления или процесса.

Территориальность представляет собой важную черту социальных отношений и учитывается практически всеми социальными науками. В социологии традиционно общество мыслилось как «вписанное» в некие территориальные рамки — природные, государственные и др., — имеющее собственные границы (Musiyezdov, 2013:22). Во многих науках особенности распределения социальных процессов и явлений в физическом пространстве выступают основой отдельного научного направления: региональная (пространственная) экономика, система расселения населения в демографии и др.

Для социума «привязка» акторов-индивидов к физическому пространству, в первую очередь, отражается в виде локализации сообществ – социальных общностей, которые, в свою очередь, способны выступать самостоятельными акторами.

Категория социальной общности далеко неоднозначно понимается в социальных науках. Возьмем за основу подход, выработанный в западной социологии второй половины XX в. Так, американский социолог Т. Парсонс определял общность как «объединение действующих лиц, обладающих определенным территориальным пространством как основой для осуществления большей части их повседневной деятельности» (Parsons, 1972:78). Другой американский социолог Л. Шiore характеризует социальную общность как «совокупность людей, которые имеют общее постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют иные виды деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей» (Dobren'kov, 1994:165). Таким образом, общность места нахождения рассматривается как неотъемлемая характеристика сообщества.

Консервативной социологии вообще свойственно связывать общество с территорией¹⁷. Так, Э. Шилз в качестве одного из признаков, характеризующих

¹⁷ Одновременно в современной социологии есть множество концепций, не привязывающих общество к территории (Bauman, 1999).

социальное объединение как общество, называет «территорию, которую объединение считает своей собственной» (Shilz, 1972).

Собственно, наличие или отсутствие постоянной связи с определенной частью физического пространства является основой для дихотомичного деления всех социальных общностей. Применительно к сообществам, характеризующимся постоянной взаимосвязью с физической территорией, корректно использовать термин «территориальное сообщество» или «территориальная общность». Тогда как сообщества, не имеющие такой связи, следует относить к категории «иных – нетерриториальных».

Для территориального сообщества характерно постоянное нахождение на определенной физической территории, что в том числе является одним из объединяющих начал общности. В этой связи для него характерна общность интересов, связанных с обособлением (обеспечением безопасности) и благоустройством занимаемой территории (если брать бытовой уровень: передвижение на работу и обратно, посещение магазинов, культурных мероприятий и т.д.). Необходимость отстаивать эти интересы является фундаментом для самосознания территориальной общности (Musiyezdov, 2013:29).

Однако одного этого критерия мало. Любое сообщество строится на множественности точек соприкосновения индивидов, его составляющих. Сообществом, построенным исключительно на общности места проживания, являются жители. В этом случае объединяющим началом является именно физическая территория. И, как показывает практика, когда нет иных объединяющих начал (общности истории, ценностей, норм поведения, дружественных отношений, иных межличностных коммуникаций), такая общность не осознает себя и не проявляется как субъект. Это всего лишь совокупность индивидов, проживающих на одной территории (множество, а не единство). Отсюда проблемы с управлением многоквартирными домами, осуществлением местного самоуправления и пр.

Общие интересы могут быть причиной создания сообщества, но не все индивиды, имеющие общие интересы, образуют сообщество; и большинство сообществ включают индивидов с противоположными интересами (Kelsen, 2013:229–230).

Для того, чтобы некая общность индивидов могла выступать как сообщество, требуется множество самых разнородных объединяющих начал и чем их больше, тем оно устойчивей, полней самосознание и ярче самоидентификация.

С другой стороны, общность, имеющая самоидентификацию и множество объединяющих начал, но не имеющая локального нахождения в физическом пространстве, не может выступать субъектом общественных отношений. Ярким примером этому служит этнос. Если мы попытаемся охватить всех его представителей, они, за редким исключением, не будут иметь постоянного нахождения на определенной физической территории. Представители этноса могут быть рассредоточены по всей земной поверхности. Однако отдельные этнические группы могут иметь локальную концентрацию в пределах физической территории. И в отношении такой локализованной части этноса можно говорить о территориальном сообществе, основанном на этнической принадлежности. Зачастую именно такое сообщество и вступает в социальные отношения от имени всего этноса. Объединяющим началом для этого сообщества будут также биологические, языковые, культурные, религиозные и иные особенности, а территориальное единство – необходимым условием. То же можно сказать о религиозной общности, культурной и многих других.

При этом территориальность не заменяет и не подменяет собой другие объединяющие начала. Для самоидентифицирующихся общностей, основанных на религиозных, культурных, этнических и иных факторах, она выступает скорее дополнительным фактором – «катализатором», способным перевести ее в качественно иное состояние – высокоорганизованной (возможно, и суверенной) общности. Наиболее яркий пример такого развития – возникновение государства Израиля на основе этно-религиозной общности, долгое время не имевшей территориальной локализации. И, напротив, для общности, возникающей исключительно на основе локализации в физическом пространстве, территориальность лишь предпосылка формирования иных объединяющих начал.

Соотношение территориальности как основания общности с другими началами (национальными, культурными, религиозными и пр.) очень сложно и может быть оценено лишь применительно к конкретной социальной общности. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы подчеркнуть, что постоянное (преимущественное) нахождение сообщества на определенной части физического пространства является самостоятельным началом для его обособления и самоидентификации, что и позволяет говорить о его территориальности.

Одновременно территориальность, как постоянное (преимущественное) нахождение в определенной части физического пространства, присуща не только сообществу как актору социальных отношений. Эта характеристика любого социального явления и процесса, который не может развиваться вне взаимосвязи с физическим пространством. И в этом смысле территориальность может быть уже критерием дифференциации социальных процессов. Именно это свойство, на наш взгляд, является основой создания территориальных единиц. По своей сути территориальное устройство есть организация, упорядочение (в каком-то смысле – ограничение) социальных процессов в физическом пространстве. Потому любой социальной науке свойственно конструирование пространственных единиц по тем или иным критериям (кластеры, ореолы, макрорегионы, округа и т.п.). Они используются для описания и изучения пространственных особенностей социальных явлений и процессов и, за редким исключением, не выходят за рамки теоретического осмысления. Но для юриспруденции территориальное устройство государства имеет особое (порой – центральное) значение, поскольку эти территориальные единицы становятся основой не только для осуществления публичной власти, но и для любых иных общественных отношений. В этом смысле единицы территориального устройства государства являются универсальным понятийно-категориальным аппаратом социальных наук.

Официальное деление территории государства на территориальные единицы может быть основано на разных критериях, но их следует делить на две группы. Первые – административные – особенности ландшафта, исторические традиции, экономические, климатические, экологические и иные особенности. Эти критерии носят условный характер, поскольку являются способом организации социальных процессов. Территориальные единицы, сформированные по такому принципу, легко менять, поскольку перенос границы означает лишь изменение подхода к территориальной организации общества. Но совершенно иная ситуация имеет место, когда критерием обособления территориальной единицы является постоянное проживание на определенной части физической территории высокоорганизованного сообщества. Речь идет о национальных территориальных единицах, местных общинах и т.п.

Любое изменение границы в этом случае требует, как минимум, согласования с населением. Во втором случае мы имеем дело с той же территориальностью, которая свойственна государству-сообществу, но реализуется она в несколько качественно ином состоянии.

Когда территориальное сообщество имеет высокий уровень самоорганизации и способно выступать как субъект-актор, оно не просто находится в определенной части физического пространства, но и стремится его освоить, в определенном смысле – присвоить, установить свое господство – доминирование на этой части физического пространства. Такую связь также называют территориальностью.

В этом смысле термин «территориальность» в социальных науках используется достаточно широко. Он появился в естественных науках и прежде всего связывался с инстинктивным поведением животных, стремящихся к захвату территории и ее последующей защите от представителей своего вида.

Это понимание существует до сих пор и отчасти переносится на человека. Социобиологи, основываясь, прежде всего, на этнографических материалах, утверждают, что «чувство территориальности» (ощущение определенной территории как своей и нежелание допускать на нее чужаков) – черта, присущая людям изначально, будучи унаследованной от дочеловеческих предков (Bondarenko, 2015:15). Р.Н. Верхошанская отмечает, что исторически первой формой «освоенного» человеком пространства было специально оборудованное жилище, предназначенное для выживания и психологически порождающее ощущение замкнутого пространства (Verkhoshanskaya, 2004:16).

С середины XX в. это понимание стало проникать в социальные науки и надеялось разным обоснованием: с биологической, психологической или социальной точек зрения. В настоящий момент оно используется, прежде всего, в политологии и понимается как свойство государства, заключающееся в стремлении контролировать ту или иную территорию. Контроль над территорией неразрывно связан с установлением ее границ, влекущим за собой дихотимизацию, дифференциацию пространства, предполагающую разделение на «наше и здесь» и «чужое и там». Эти процессы способствуют развитию территориальной идентичности, укреплению представлений индивидов о принадлежности их к той или иной территории и группе, проживающей на ней (Melkonov, Mladenovich & Nefedov, 2023:32–35). В этом смысле территориальность – не просто характеристика места нахождения сообществ и один из критериев формирования его как единства – это качественная характеристика такой взаимосвязи.

Территориальной общности, являющейся субъектом общественных отношений, свойственно стремление к обособлению занимаемой ею территории и установлению контроля над ней.

Однако для бытия общественных отношений важно не только то, к чему стремится или не стремится социальная общность, но и то, насколько ей удалось это реализовать. Чем выше степень сплоченности и организованности социальной общности, ее концентрация в пределах физической территории, многочисленности критерии общности, тем больше у нее шансов реализовать хотя бы в какой-то степени контроль над занимаемой ею территорией.

Действительное обособление части физического пространства, установление контроля над ним возможно только принудительными, а, значит, юридическими средствами. Поэтому реализовать такой контроль может далеко не любая (даже

высокоорганизованная) социальная общность, а лишь опирающаяся на монополию на принуждение. Иначе говоря, реализовать территориальность как полный контроль над физической территорией способно только государство либо институты, опирающиеся на его силу. С этих позиций территориальность имеет чисто юридический характер и требует изучения с использованием формально-догматического метода, что уже выходит за рамки пространственной теории и предмета настоящей статьи.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что для преодоления краеугольного противоречия пространственной теории необходимо в понимании государства заменить территорию на территориальность.

Территориальность государства может пониматься двояко:

1) *в широком смысле* – как постоянное пребывание государства-сообщества (народа, населения) на определенной ограниченной части поверхности Земли – физической территории государства. В этом смысле территориальность может быть использована для отграничения государства от нетерриториальных сообществ – этнос, семья и т.п., а также в качестве основания выделения территориальных единиц;

2) *в узком смысле* – как обособление государством части физического пространства и установление контроля над ним. В этом смысле территориальность государства представляет собой особую юридическую связь между субъектом – государством-сообществом и объектом – физической территорией.

В определенном смысле это возврат к объектной теории понимания территории. При таком рассмотрении физическая территория не становится частью социального процесса или социальной общности, а является объектом взаимосвязи. Но такова особенность социального бытия государства и игнорировать ее недопустимо.

Вместе с тем выявленное понимание территориальности государства не в полной мере соответствует нуждам современной юриспруденции. Необходимо объяснить юридическую природу и выявить элементы, составляющие эту взаимосвязь. В рамках объектной теории она понималась как отношения частной собственности, в рамках теории международной собственности – как отношения публичной собственности, но оба этих объяснения не годятся для современного государства. В настоящий момент требуется уже не устранение внутренних противоречий в пространственной теории территории, а ее полный пересмотр с использованием методологии юридического исследования. Иначе говоря, необходимо юридическое понимание территории государства.

References / Список литературы

- Bauman, Z. (1999) Postmodern sociological theory. In: Makeev, S.A. (ed.) *Human and Society*. Kiev, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine Publ. (In Russian).
Бауман З. Социологическая теория постмодерна // Человек и общество : хрестоматия / под ред. С.А. Макеева. Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 1999. 303 с.
- Bondarenko, D.M. (2015) State: The Nature of the Phenomenon. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. (238), 13–25. (In Russian). EDN: VLEMQF.
Бондаренко Д.М. Государство: сущность феномена // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 238. С. 13–25. EDN: VLEMQF.

- Dobren'kov, V.I. (ed.) (1994) *American Sociological Thought*. Moscow, Moscow State University Publ. (In Russian).
Американская социологическая мысль : тексты / ред. В.И. Добрен'ков. М. : Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
- Dyugi, L. (1908) *Constitutional law. The general theory of the state*. Moscow, Printing House of the Partnership I.D. Sytin. (In Russian).
Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
- Ehngels, F. (1989) *The Origin of the Family, Private Property, and the State: In Connection with the Research of Lewis G. Morgan*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Политиздат, 1989. 222 с.
- Ellinek, G. (2004) *The General Doctrine of the State*. Saint Petersburg, Legal Center Publ. (In Russian). EDN: RYRVYL.
Эллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юрид. центр, 2004. 752 с. EDN: RYRVYL.
- Ivanov, V.V. (2002) New Approaches to the Theory of Territorial Structure and the Federal. System of Russia. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. (3 (242)), 63–85. (In Russian). EDN: TLGADZ.
Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 63–85. EDN: TLGADZ.
- Ivanov, R.L. (2016) Territory and Territorial Principle of Organization as Signs of the State. *Herald of Omsk University. Series Law*. (1 (46)), 6–11. (In Russian). EDN: VNTQTB.
Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 6–11. EDN: VNTQTB.
- Kelsen, H. (2013) Law, State and Justice in the Pure Theory of Law. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. (2 (307)), 226–240 (In Russian). EDN: QBKCIR.
Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 226–240. EDN: QBKCIR.
- Klimenko, B.M. (1974) *State territory: Issues of theory and practice of international law*. Moscow, International Relations Publ. (In Russian).
Клименко Б.М. Государственная территория : вопросы теории и практики междунар. права. М. : Междунар. отношения, 1974. 168 с.
- Leksin, I.V. (2023) Territory as a Public Law Category: Concept and Logical Relationship with the State. *Academic Law Journal*. 24 (4 (94)), 457–470. (In Russian). <https://www.doi.org/10.17150/1819-0928.2023> EDN: SMLGSV.
Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4 (94). С. 457–470. <https://www.doi.org/10.17150/1819-0928.2023> EDN: SMLGSV.
- Leksin, I.V. (2024) The State and (or) evolution: Problems of legal reasoning about the concepts, origin and development of states (part one). *Bulletin of the Moscow University. Episode 21: Governance (State and Society)*. 21 (4), 206–227. (In Russian). <https://www.doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-206-227> EDN: SMMYRW.
Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 206–227. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-206-227> EDN: SMMYRW.
- Lenin, V.I. (1962) *The Complete Works*. (5th ed.) Vol. 33. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russian).

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33: Государство и революция. М. : Госполитиздат, 1962. 433 с.
- Mamut, L.S. (2000) The State as a publicly organized people. *Russian Law Journal*. (3), 88–100. (In Russian).
Мамут Л.С. Государство как публичновластным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88–100.
- Melkonov, G.S., Mladenovich, M. & Nefedov, S.A. (2023) The Concept of “Territoriality” in the Study of Ensuring State Security Problems. *KANT: Social Sciences & Humanities*. (2 (14)), 32–37. (In Russian). <https://www.doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14.6> EDN: NUZZUO.
Мелконов Г.С., Младенович М., Неведов С.А. Концепт «территориальность» в исследовании проблем обеспечения государственной безопасности // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 2 (14). С. 32–37. <https://www.doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14.6> EDN: NUZZUO.
- Musiyezdov, A.A. (2013) The Territoriality of Modern Society. *Sociological Journals*. (4), 21–34. (In Russian). EDN: RTKFKX.
Мусиездов А.А. Территориальность современного общества // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 21–34. EDN: RTKFKX.
- Nifanov, A.N. (2020) *The Territory of the Russian Federation: Constitutional and legal theory*. Doctor of Legal Sciences dissertation. Belgorod, Belgorod State National Research University. (In Russian).
Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. Белгород : Белгородский гос. нац. исслед. ун-т, 2020. 454 с.
- Osherov, S. Ya. (1948) *A Union Republic in a socialist Federation*. Moscow, Legal Publishing House.
Ошеров С.Я. Союзная республика в социалистической федерации. М. : Юрид. изд-во, 1948. 216 с.
- Parsons, T. (1972) *American Sociology: Perspectives. Problems. Methods*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
Парсонс Т. Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М. : Прогресс, 1972. 356 с.
- Praskova, S.V. (2024a) On the Issue of Understanding the Territory as a Physical Space in the Social Sciences. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. (4 (57)), 187–193. (In Russian). EDN: HNBQFL.
Праскова С.В. К вопросу о понимании в социальных науках территории как физического пространства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 187–193. EDN: HNBQFL.
- Praskova, S.V. (2024b) To the question of the validity of theories of territory. *Constitutional and Municipal Law*. (2), 51–60. (In Russian). <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-51-60> EDN: ZIHFKА.
Праскова С.В. К вопросу о состоятельности теорий территории // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 51–60. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-2-51-60> EDN: ZIHFKА.
- Shevtsov, V.S. (1972) *The Sovereignty of the Soviet State*. Moscow, Legal Literature Publ. (In Russian).
Шевцов В.С. Суверенитет Советского государства. Москва : Юрид. лит., 1972. 264 с.
- Shilz, Eh. (1972) Society and societies: The macrosociological approach. In: Osipov G.V. (ed.) *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*. Moscow, Progress Publ., pp. 341–359. (In Russian).
Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / под общ. ред. Г.В. Осипова. М. : Прогресс, 1972. 392 с.

- Trubetskoi, E.N. (1917) *Lectures on the Encyclopedia of Law*. Moscow, Mamontov, A.I. Printing Company. (In Russian).
Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М. : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. 228 с.
- Ushakov, N.A. (1996) *International Law: Basic Terms and Concepts*. Moscow, IGPAN Publ. (In Russian).
Ушаков Н.А. Международное право: основные термины и понятия : учеб. пособие. М. : Изд-во ИГПАН, 1996. 46 с.
- Verkhoshanskaya, R.N. (2004) *Social Time-Space: A Philosophical and Methodological Analysis*. Candidate of Philosophical Sciences dissertation. Kazan, Kazan State University. (In Russian).
Верхошанская Р.Н. Социальное время-пространство : Философско-методологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. 155 с.
- Vitruk, N.V. (2012) *The Best Works*. Vol. 1. Moscow, Russian Academy of Justice Publ. (In Russian).
Витрук Н.В. Избранное. М. : Российская академия правосудия, 2012. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990. 644 с.
- Zhukov, V.N. (2023) The Concept of the State: A Return to the Classics. *State and Law*. (5), 9–23. (In Russian). <https://www.doi.org/10.31857/S102694520025651-7> EDN: XPMEAL
Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. № 5. С. 9–23. <https://www.doi.org/10.31857/S102694520025651-7> EDN: XPMEAL.

Сведения об авторе:

Праскова Светлана Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник института правовых исследований, Байкальский государственный университет; 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11

ORCID: 0000-0003-4518-3659; SPIN-код: 5498-3194; Researcher ID: AAC-8601-2020
e-mail: savap@mail.ru

About the author:

Svetlana V. Praskova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Legal Studies, Baikal State University; 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003

ORCID: 0000-0003-4518-3659; SPIN-code: 5498-3194; Researcher ID: AAC-8601-2020
e-mail: savap@mail.ru